

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРИИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1827.

§ XXVIII*).

1776 годъ.

1776 года, въ августѣ мѣсяцѣ, собрался преосвященный посѣтить города Трубчевскъ и Брянскъ.

Отъ недавно прошедшей трехдневной моей лихорадки оставшаяся слабость, была мнѣ причиною въ отговорѣхъ отъ путешествія, котораго отъ меня архіерей требовалъ.

При самомъ уже выѣздѣ, преосвященный сѣлъ на канане подлѣ библіотеки, погрузился въ задумчивость и сказалъ: «не помню, когда бы мнѣ столько было скучно и прискорбно, какъ при теперешнемъ моемъ выѣздѣ».

«Сердце, сердце! ты вѣшунъ, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать намъ тебя!»

Такъ говорила одна
горькая дѣвушка.

Не прошло еще дней 8 по выѣздѣ, какъ получена въ домѣ преосвященнаго неприятная вѣсть слѣдующаго содержанія:

Преосвященный, будучи у Трубчевскаго воеводы Колюбакина въ гостяхъ съ обѣда до полуночи, разсудилъ для пріятнаго препровожденія времени, или по привычѣхъ, назвать хозяина «свиньей», и выплеснуть ему въ глаза покаяль вина. Колюбакинъ, не бывши лихъ, но будучи великъ и силенъ, отвѣсилъ начинщику**)

*) См. «Русскую Старину», т. III, стр. 119, 247, 395 и 562.

**) Зачеркнуто: «своему неприятелю».

«РУССКАЯ СТАРИНА», т. III. 1871 г. июль.

большимъ кулакомъ по уху таковой ударъ, что ударенный палецъ пластомъ на земь и растянулся. Единный ужасъ штата архіерейскаго, при поверженіи своего владыки, былъ бы недостаточенъ для спасенія. Его подняли и уѣхали изъ дому воеводскаго и изъ города въ Чолнскій монастырь, отстоящій отъ Трубчевска верстъ около семи; чему Колюбакинъ и не препятствовалъ.

По приѣздѣ,— какъ повѣствовало тогда всѣ исторіографы,— «самовидцы и слуги»—архіерей предпринялъ всѣ предосторожности, дабы не наскочилъ въ расплохъ Колюбакинъ, который мечталъ ему съ кулакомъ въ глазахъ.

Колюбакинъ на другой день явился не привидѣніемъ, однакожь и не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ бить, но чтобъ просить прощенія и разрѣшенія въ содѣянномъ грѣхѣ. Недопущенъ онъ. Чего ради и сталъ среди монастыря противъ самыхъ оконъ архіерейскаго повоа, на колѣняхъ и будучи въ полшьяна, воздѣлъ къ верху руки и возопилъ велегласно: «Отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою!» Архіерей, смотря изъ окна, возгласилъ ему:

— «Говори паршивая овца въ стадѣ Христовомъ: сотвори мя, яко одинаго отъ наемникъ твоихъ».

Колюбакинъ повторяетъ.

Архіерей: «Гряди съмо, сынъ геенны!»

По допущеніи въ покои, архіерей читалъ ему челобитную, заготовленную имъ къ посылкѣ въ Синодъ. Въ ней не позабыты были: Номоканоны, Кормчая книга, отлученіи отъ церкви и самыя анаемы. И начались переговоры. Главные оныхъ артикулы состояли *) со стороны Колюбакина въ томъ: что, обѣ договаривающіяся стороны, вмѣстѣ наѣлись, напились, поссорились, подрались, и, кто былъ начинщикъ драки. А со стороны архіерей **) въ томъ, чтобы Колюбакинъ въ теченіи мѣсяца приѣхалъ въ нему въ катедральной его, Сѣвскій архіерейскій домъ, гдѣ и дастъ онъ грѣшнику совершенное прощеніе и разрѣшеніе. Сии статьи обѣ договаривающіяся стороны обязались честнымъ вза-

*) Далѣе зачеркнуто: «... въ томъ, что Колюбакинъ, съ своей стороны не пропустилъ включить въ предиминары, что обѣ договаривающіеся...» и проч.

Ред

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «архіерей же, съ своей стороны, включилъ и заключилъ, чтобы Колюбакинъ» и т. д.

Ред.

имнымъ словомъ, исполнить свято и ненарушимо. Такимъ образомъ преосвященный, посѣтивъ Трубчевскъ, далъ ему свое благословеніе, а самъ получа такое же отъ Колюбакина, и сдѣлавъ съ нимъ счастливое армістиціумъ, продолжалъ путешествіе свое въ Брянскъ, гдѣ съ нимъ ничего подобнаго не случилось, потому ли, что тамъ не было Колюбакина, или потому, что онъ никому виномъ глазъ не заливалъ и свиньею не называлъ.

По возвратѣ изъ Брянска домой, напрасно преосвященный ждалъ Колюбакина. Уже наступалъ праздникъ Рождества Христова, какъ архіерей позвалъ меня, приказалъ писать, подъ титуломъ пастыря Сѣвскія церкви, запрещеніе, дабы никто изъ священниковъ ни съ какою святынею въ домъ Колюбакина не входилъ.

Сіе запрещеніе собственноручно имъ подписано, запечатано и отправлено, при особомъ повелѣніи, къ Трубчевскому протопопу для объявленія Колюбакину.

Протопопъ по приѣздѣ послѣ праздниковъ къ архіерею донесъ: что «онъ идучи на самой праздникъ Рождества во служенію обѣдни, зашелъ въ Колюбакину и объявилъ ему запретительную архіерейскую грамоту. Колюбакинъ въ отвѣтъ угощалъ его чаемъ, котораго протопопу пить было нельзя передъ служеніемъ». Тѣмъ кончилось протопопское посланничество *).

Архіерей не останоаясь на семъ, послалъ Брянскаго протопопа въ Петербургъ, съ изясненіемъ чрезъ партикулярныя письма обиды, къ нѣкоторымъ духовнымъ и свѣтскимъ особамъ. Но сіе посольство ничего не произвело, кромѣ смѣха въ такомъ испорченномъ городѣ, который вѣрить, что зачинщиковъ драки вездѣ бьютъ **). Къ тому же жители столицы, вѣроятно по недостатку любви къ ближнему, толковали, что у архіерея дурное было на мысляхъ прощеніе, если онъ Колюбакина заманивалъ изъ Трубчевска въ Сѣвскъ.

Вскорѣ послѣ сего, писалъ къ нему синодальный членъ, преосвященный Самуилъ Миславскій, чтобъ онъ просился на обѣщаніе ***), увѣряя, что ему дадутъ въ правленіе такой мо-

*) Въ подлин. зачеркнуто: «При открытіи Орловскаго намѣстничества Колюбакинъ помѣщенъ членомъ въ какую-то палату суда и поѣхалъ, не безпокаясь, что его земля не приметъ. Архіерей же» и проч.

Ред.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «должно бить».

Ред.

***) Такъ у духовныхъ называется отставка.

Г. Д.

43*

настырь, каковой онъ самъ пожелаетъ. Нельзя сомнѣваться, что Самуиль смотря на существо внесеннаго въ Синодъ, произведеннаго комиссіею дѣла, и зная, сверхъ того, лично Кирилла Флiоринскаго, писалъ въ нему съ согласія и довѣренности всего Синода, дабы поступить съ подсудимымъ снисходительнѣе, по обыкновенію благословенныхъ временъ Екатерины Великія. Но духъ мудреный моего архіерея, отвѣтствовалъ на сіе тако: «Если ваше преосвященство не нашли ничего лучшаго мнѣ присовѣтывать, то я не жалѣю, что не могу благодарить за такой совѣтъ, которой никуда не годится. Благодареніе Богу, я еще не дошелъ до такого несчастія, чтобъ имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ» и проч.*). Самуиль не оставилъ гордаго отвѣта безъ отвѣта. Онъ написалъ точными словами, которыя безъ старанія, во мнѣ затвердились: «весьма вы горячо пишете; ваша горячность во всякомъ и каждаго сердцѣ производитъ ужасную холодность; вы позабыли нашу русскую**) пословицу: «тише ѣдешь, далѣ будешь». Берегитесь, чтобъ вы съ горяча не наскочили на братскую порцію»***).

Подобныя симъ и отъ другихъ особъ (дружескія) предложенія, произвели въ моемъ владыкѣ подозрѣніе на весь свѣтъ. Онъ увеличилъ****) волю своему языку, и умножилъ питіе не вѣшая брашна надлежащей мѣры; отъ чего, натурально жаръ къ жару. Въ такихъ обстоятельствахъ пришелъ онъ единожды ночью въ моей горницѣ и велѣлъ бить въ сѣнныя двери, которыя были заперты. Я пробудясь отъ стука и услыша непрерывной крикъ преосвященнаго, узналъ, что сіе нашествіе не есть иноплеменныхъ, но своихъ домашнихъ непріятелей. Прежде всего положилъ я твердое и непремѣнное намѣреніе обороняться всѣми силами въ моихъ стѣнахъ и не сдаваться даже ни на каую капитуляцію. Вслѣдствіе чего схватилъ мое косаговское незаряженное ружье, изъ котораго я никогда не стрѣливалъ, выста-

*) Въ подобномъ сему случаѣ Гедеонъ епископъ Смоленскій, сильному въ синодѣ архіепископу Новгородскому Прокоповичу отвѣтствовалъ лаковически изъ Давидова псалма: «пою Богу моему дондеже есмь». Г. Д.

**) Я не знаю почему онъ говоритъ нашу русскую, ибо они оба были малороссіане. Г. Д.

***) Братская порція въ монастыряхъ — хлѣбъ съ квасомъ, худо сваренный борщъ или щи съ дурною сухою рыбою (или ни съ чѣмъ) да каша. Г. Д.

****) Виѣсто зачеркнутаго: «далъ полную волю».

Ред.

вилъ его въ окно и призвавъ на помощь духа древнихъ рыцарей, (и своихъ російскихъ) храбрыхъ витазей, возопилъ изо всей силы: «кто только подвинется къ окну, или отважится вломиться въ двери, того первого встрѣтитъ пуля». Осаждающіе меня были добрые донъ-вишоты, но тактики худые. Глава въ епархіи въ молчаніи сдѣлалъ отступленіе и вся ландмилиція двинулась *) за нимъ. Одинъ только остался, или оставленъ, канцеляристъ Матвѣй Самойловъ, для переговоровъ въ нашей странной анціи. Онъ мнѣ сказалъ, что я напрасно ружье выставилъ, а я припомнивши архіерейской отвѣтъ Самуилу преосвященному, отвѣчалъ ему: что «я еще не дошелъ до этого несчастія, чтобъ имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ».

— «Развѣ вы не знаете, продолжалъ Самойловъ, архіерейскаго права? можетъ быть онъ до сѣхъ поръ уже и заснулъ».

Мой отвѣтъ состоялъ въ требованіи, чтобы и онъ пошелъ спать. Чему онъ и не попротивился.

Къ неожиданному моему удивленію, по утру усмотрѣлъ я, что двери моихъ сѣней съ наружи укрѣплены, и около оконъ ходятъ безсмѣнные часовые, т. е. сторожа; изъ чего понятно мнѣ стало**), что я нахожусь въ осадѣ. Нужно ли разрѣшить загадку, что побудило архіерея къ такому противъ меня дѣйствию? И не имѣлъ-ли онъ правильныхъ, а затѣмъ и побудительныхъ къ сему причинъ? (Отвѣтствую):—нѣтъ, его таково свойство, которое дѣйствуетъ не только при рожденіи мѣсяца, но и при продолженіи пиршества***). Въ такомъ его положеніи, кто первой ему встрѣтится, или впадетъ ему на мысль, тотъ и бываетъ жертвою его странности, и самой обиды. Въ такомъ его положеніи часто случалось, что онъ будучи въ дорогѣ въ зимнюю пору, выскочитъ изъ дормеса****) на морозъ, которой свыше двадцати градусовъ. Велитъ пѣть пѣвчимъ, и самъ съ ними поетъ. Всѣ стоятъ среди поля на открытомъ воздухѣ, безъ шапокъ, а онъ попеременно

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «поволоклась».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «изъ чего привыкшему мнѣ къ подобнымъ включеніямъ понятно было, что...» и проч.

Ред.

***) Послѣднія двѣ строки были прежде такъ изложены: «нѣтъ, его таковъ характеръ — не только при рожденіи мѣсяца или при продолженіи пиршества, но даже въ трезвомъ положеніи, если онъ чѣмъ нибудь внутреннѣ тронуть или озабоченъ, или огорчается...» и проч.

Ред.

****) Въмѣсто зачеркнутаго: «кареты».

Ред.

то поеть, то бранить, то бьетъ одного, или другого, и держитъ въ голой рукѣ ставанъ до тѣхъ поръ, пока англійское въ немъ пиво обратится въ льдины; въ семь послѣднемъ бываетъ тотъ виноватъ, кто подносилъ. Правда, что и самъ онъ часто платилъ недешево за свои подвиги. Онъ получилъ въ ножныя икры ревматизмъ, а потомъ въ палецъ правой руки онемѣлость, или нечувственность *), на которомъ и носилъ, по совѣту лекарей, заячей мѣшоу, вмѣсто воздержанія отъ напитковъ и сбереженія себя отъ холода; но дѣло не о томъ: я сѣжу въ заключеніи.

Архіерей проснувшись въ полдень, уѣхалъ обѣдать въ городъ къ воеводѣ Пустошкину. Уже сближался лѣтній день къ пяти часамъ по полудни, а я нахожусь въ моей фортеціи безъ вкушенія вина и елѣя, кромѣ хлѣба и воды.

Кто первой сказалъ: «все къ чему-нибудь годится», тотъ былъ въ подобномъ моему приключеніи. Диета натурально очищаетъ мысли; почему и я послѣ нѣсколькой душевной тревоги почувствовалъ пріятную унылость и нѣкоторое утѣшеніе. Я нашелся въ состояніи разсуждать, и разсуждалъ не только о прошедшемъ и настоящемъ, но и на будущее время старался что-нибудь прочное для себя примыслить **).

Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ какъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь, кажутся ему неограниченными временемъ; но, въ самомъ дѣлѣ, одна уже, во мрачной ужасъ облеченная смерть, достаточна его просвѣтитъ, что обитаемой нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго! Такъ что-жь я могъ прочное для себя примыслить ***)?

Сидя въ моей кельи, я такъ не думалъ; но при писаніи моей повѣсти, разсудилъ изобразить мысли, истинну которой въ теченіе моей жизни видѣлъ и осязалъ. А въ тогдашнемъ обстоя-

*) Зачеркнуто: «двухъ составовъ».

Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «для себя предупредить....».

Ред.

***) Въ семь мѣстѣ богословы имѣютъ свой долгъ вспыхнуть: «Чѣмъ смерть ужасна? а вѣра гдѣ?» Отвѣтствую: «Вѣра при мнѣ и непріятность смерти, и чувствованіе горестей въ жизни при мнѣ и при богословахъ» — «Ето мало-вѣріе, ето не вѣра!» опять закричать. Отвѣтствую: «Споровъ и умствованій на свѣтѣ много, а чувствительность сердца одна. Одна и столь благородна, что она не любитъ, когда ее съ пути сбиваютъ».

Г. Д.

тельствѣ нужно было скорѣе всего мыслить о способѣ освобожденія себя. И вотъ, что я выдумалъ:

Взявъ алмазной перстень, полученной отъ архіерея въ знакъ имѣющаго быть сочетанія меня, съ его племянницею, завернулъ его въ бумажку, потомъ на другой написалъ слѣдующее: «Преосвященнѣйшій владыко! Пожалованный мнѣ перстень, въ знакъ имѣвшаго быть бравосочетанія моего съ вашею племянницею, возвращаю въ знакъ вѣчнаго моего разлученія съ нею, съ вами и со всѣмъ свѣтомъ».

Сіе посланіе я, подовзавъ сторожа подъ окно, отдалъ ему съ перстнемъ, завернутымъ въ бумагу и сказалъ: «спѣши отдать самому преосвященному»; а самъ набивалъ въ его глазахъ пистолеть, будучи въ твердомъ и непремѣнномъ намѣреніи выстрѣлить изъ него послѣ въ роцѣ, для забавы. Преосвященный, — какъ мнѣ послѣ пересказали, — пробѣжавъ глазами короткое мое письмо, бросился опрометью изъ воеводскихъ покоевъ, и выскоча на крыльцо, кричалъ самъ: «карету-карету!» Всѣ гости и хозяинъ выбѣжавшіе за нимъ были въ недоумѣніи, а онъ, не сказавъ имъ ни слова, ускакалъ по-бурьерски. Такимъ образомъ нерѣдко смѣшили мы людей и портили себя. Мы были истинные люди, которые заражаютъ себя и атмосферу.

Не было и часа разстоянія въ 3-хъ верстахъ въ оба пути, какъ застучалъ онъ въ мои двери, которыя и съ моей стороны были укрѣплены, — возглашая со стукомъ:

— «Живъ ли ты? полно дурачиться, отвори, и я вчера дурачился. Полно смѣшить людей, послушай меня, отвори».

«Я инако не отворю, какъ на тѣхъ условіяхъ, чтобъ ваше преосвященство уволили меня изъ вашего дому съ письменнымъ отъ васъ и отъ консисторіи аттестатомъ; въ противномъ же случаѣ, пистолеть мой всегда при мнѣ».

— «Все сдѣлаю, что тебѣ надѣбно».

Я выпустилъ добраго пастыря въ мою ограду. Онъ долго со мною сидѣлъ, вель продолжительной и постоянной разговоръ. Мнѣ приписывалъ вспыльчивость, а о себѣ помалчивалъ, какъ будто онъ прошедшей ночи и прошедшихъ дней, недѣль, мѣсяцевъ и годовъ, — не онъ былъ. Онъ попытался еще сдѣлать мнѣ милостивое предложеніе, чтобъ я перешолъ въ его покой и принялся за первую должность, а за сіе послушаніе, поелику я же-

лалъ вступить въ коронную службу, — включень я буду, по просьбѣ его и рекомендаціи, въ штатъ при фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ. Но я знавъ изъ десятилѣтняго опыта (всего, всю сію) особу и качества, ничего бы простѣе не сдѣлалъ, какъ еслибъ ему повѣрилъ и понадѣялся, почему и отвѣтствовалъ ему большею частію молчаніемъ.

Итакъ, изъ длинной нашей аудіенціи, вышло только то, чего я и желалъ, то-есть, я освободился изъ-подъ стражи и остался въ прежней участи даже до тѣхъ поръ, пока певущееся Провидѣніе, учреждающее все,—какъ говорятъ,—на благой конецъ, перемѣнило ее вотъ какимъ образомъ:

§ XXIX.

1777 годъ.

1777 г. Невѣста моя, бывши 9 мѣсяцовъ больна, въ великой постѣ 1777-го года скончалась. Она рѣшила*) и волю своего дяди и мою колеблемость быть мнѣ зятемъ и мужемъ. Смерть ея перенесъ я равнодушно, однако-жъ это было больше дѣйствіе чувствительнаго моего отъ природы сердца, нежели страстной влюбчивости, потому что сія потеря рѣшила меня избавиться отъ таковаго владыки, которой не рожденъ быть ни другомъ, ни благодѣтелемъ. Итакъ, первой шагъ сдѣлалъ я къ моему облегченію**) отъѣздомъ, съ дозволенія преосвященнаго, въ Молчанскую Софроніеву пустынь, отстоящую отъ Сѣвска на 150 верстѣ.

Сей монастырь или пустынь, въ разсужденіи возвышеннаго мѣстоположенія, въ разсужденіи четырехъ каменныхъ церквей и другихъ зданій, такъ же окружающаго ея лѣса, садовъ, винограда, и прочихъ пріятныхъ зрѣлицъ и изобилія, было непрекраснѣйшимъ жилищемъ для любящихъ тишину. И въ сей-то расхваленной мною пустыни, прожилъ я съ половины великаго поста по 9-е число мая, въ настоятельскихъ кельяхъ и на содержаніи монастыря. Въ продолженіе моего тамъ бытія жилъ я прямо по-монашески, то-есть, я ничѣмъ не занимался. А по открытіи весны, которая, по тамошнему климату, начинается

*) Зачеркнуто: «...какъ съ архіерейской, такъ особливо съ моей стороны — быть мнѣ зятемъ преосвященнаго...».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «избавленію».

Ред.

почти съ первыхъ чиселъ апрѣля, — ходилъ по лѣсамъ, по горамъ и по монастырскимъ возвышеніямъ. Все же вообще время проводилъ съ настоятелемъ и посѣщалъ монаховъ, изъ которыхъ, правду сказать, ни одного не находилъ занимающагося какимъ-нибудь рукодѣліемъ. Бывалъ я часто у одного изъ двухъ схимниковъ, отца Григорія, которой тѣмъ больше мнѣ понравился, что жилъ съ хорошимъ запасомъ. У него были разныя воды, настоянныя на разныя лечебныя травы, садовые плоды и медовыя варенья, а сахарными — снабждали его богомольцы, отъ имени богомольщицъ, ибо надобно знать, что отецъ Григорій, будучи близко семидесяти лѣтъ, лично съ богомольцами никогда не видывался во избѣжаніе искушенія отъ дьявола. Всѣмъ своимъ запасомъ онъ для меня не скупился, хотя былъ старъ и монахъ.

Къ большому его дарованію, онъ охотникъ былъ говорить и судить о слабостяхъ, порокахъ или удовольствіяхъ человѣческихъ снисходительно. Онъ съ сожалѣніемъ самъ о себѣ говорилъ, что не въ силахъ любить своихъ непріятелей, и былъ со мною согласенъ, что дѣлать врагамъ нашимъ добро состоитъ въ нашей волѣ, или возможности; «но любить и не-любить — яжеже глаголетъ Сумароковъ — не въ воли состоитъ; ибо сердце наше есть такое нѣжное и своеобразливое дитя, которое не подвергается приказаніямъ». Мой отецъ Григорій по сей матеріи часто приводилъ въ примѣръ, что онъ не можетъ любить схимника Іоанна, понеже Іоаннъ не умѣетъ читать псалтири, и не былъ на Аѳонской горѣ, а думаетъ о себѣ, что онъ великой святой и достоинъ третьяго неба. Настоятель той пустыни, по мнѣнію отца Григорія, былъ не лутче схимника Іоанна. Въ прочихъ пустынножителяхъ не находилъ онъ подобныхъ пороковъ, потому, что всѣ они просили отъ него благословенія.

Пользуясь его угощеніемъ, требовала вѣжливость выслушивать, когда онъ повѣствовалъ мнѣ о своихъ трудахъ и подвигахъ, употребленныхъ имъ во время младыхъ его лѣтъ на Аѳонской горѣ, и состоявшихъ большою частію въ томъ, что онъ долженъ былъ своеручно выработывать и на своемъ хребтѣ носить ревітъ, маѳрли и стридію, дабы не умереть съ голоду.

«Что такое, батюшка, — спросилъ я его — за пища безсмертія?»

— «Они тоже значать, отвѣчалъ онъ, что у насъ въ Мало-россіи горохъ, пшеница и чечевица».

Можетъ быть онъ и не вѣрно перевелъ, или я не вѣрно припомнилъ, ни за то, ни за другое не ручаюсь. Знающія греческой языкъ, могутъ исправить.

«Я — продолжалъ онъ — былъ прежде въ Россіи гусаромъ. Но оставя всѣ свѣтскія забавы и роскоши, бѣжалъ въ Аѳонскую гору, гдѣ препроводя время почти до старости, переселился наконецъ въ сію пустыню, дабы продолжить и кончить время въ богомыслии и молитвахъ за себя и за другихъ» *).

Слушая отца Григорія, я не сомнѣвался**), что для пользы общественной и своей, лучше быть схимникомъ и молиться, нежели быть гусаромъ и проливать кровь свою и чужую для доставленія побоя соотечественникамъ, какъ одинъ изъ молодыхъ и холостыхъ дворянъ г. Бавыкинъ, приѣхавшій на ту пору въ пустынь больше для гулянья, нежели для моления, испортилъ мою вѣру разговоромъ слѣдующей повѣсти:

«Недавно предъ симъ, — говоритъ Бавыкинъ, — отецъ Григорій недопустилъ — было меня въ себѣ въ келью, когда я пришелъ къ нему для испрошенія отъ него благословенія. Мнѣ показалось это забавно, и я рассудилъ поусилиться, дабы показать, что имѣю нужду въ его молитвахъ, что я горячій почитатель его особы, и чтобы узнать: за что гнѣвъ и немилость! Вслѣдствіе чего отецъ Григорій, отверзая дверь толкующему, встрѣтилъ меня жестокимъ выговоромъ, называя безъ дальнихъ околочностей, «мучителемъ» и проч. и въ жаркомъ своемъ гнѣвѣ, увѣрялъ меня, что ему «о моемъ, по его словамъ, грѣхѣ, духъ святой возвѣстилъ». Но какъ отецъ Григорій въ своихъ ретивыхъ увѣщаніяхъ наклепалъ на меня много такихъ дѣйствій, которыхъ никогда не бывало и даже природа моя отвращается быть столько злымъ или, лучше сказать, сумасшедшимъ, что я на святаго духа осмѣлился возымѣть подозрѣніе въ томъ, что онъ кому-нибудь похлѣбствуетъ потому, что отцу Григорію много возвѣстилъ небылицы. Догадка моя была справедлива. Слуга мой, которому я, по выходѣ отъ отца Григорія, погрозилъ, рассказалъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «и подвиги за спасеніе душъ человѣческихъ».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «уже начиналъ я вѣрить».

Ред.

мнѣ всю-на-все жалобу, которую онъ приносилъ на меня отцу Григорію, за то, что я его за многія шалости, и даже плутни, наказалъ единожды».

Сею повѣстію Бавыкинъ увѣрилъ себя и меня, что въ наши грѣшныя времена не могутъ мѣститься на земли великія чудотворцы *), кромѣ обыкновенныхъ чудодѣевъ.

Возвращеніе мое изъ пустыни не прямо послѣдовало въ Сѣвскъ. Я увѣдомленъ отъ преосвященнаго, что сестра его, а моя недоставшаяся быть тещею, будетъ дожидаться меня въ назначенное время въ Глуховѣ, дабы съѣхавшись, сопутствовать ей въ Ахтырку для поклоненія чудотворному образу. Но по прибытіи моемъ въ Глуховъ, нашелъ отъ преосвященнаго другое письмо, въ которомъ увѣдомлялъ меня, что ему разсудилось назначенной прежде путь сократить, и вмѣсто Ахтырки назначить мѣстечко Дубовичи, гдѣ такая же чудотворная икона, какъ и въ Ахтыркѣ, а можетъ быть и полутче, смотря по тому какъ кто помолится.

Тещу мою нашелъ я въ Глуховѣ съ двумя малолѣтными дочерьми и сотовариществующею ей одною дамою моею же кумою. Такимъ образомъ собрались мы цѣлою роднею и ѣхали въ самую лутчую весеннюю пору до Дубовичъ. Дубовичи отъ Глухова на день, или меньше ѣзды. Но не припомню точно, къ которому принадлежать городу.

Дубовицкой храмъ былъ храмомъ нашего благоговѣнія и поклоненія. Я не знаю чего которой изъ моихъ сопутницъ хотѣлось выпросить; а я просилъ, чтобы меня Сѣвскій архіерей отпустилъ изъ монастыря для присканія основательнаго и значущаго состоянія, а каково? я и самъ не зналъ и не могъ примыслить. Я, уединившись отъ нихъ, пролилъ обильныя слезы съ колѣнопреклоненіемъ.

Говорятъ, что слезы въ подобномъ случаѣ, есть даръ Божества, почему и я ощущалъ чрезъ нихъ нѣкоторое утѣшеніе и надежду въ томъ, что я услышанъ.

Возвратясь въ Сѣвскъ, водворился я паки въ мою отшельническую келью. Мать возобновила посѣщенія своему сыну. Мы бесѣдовали съ нею, какъ такіе родные, которымъ общежитіе не

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «святители».

наскучило, ибо—какъ изъ исторіи моей видно— жребій выпалъ, чтобы отецъ и мать оставили сына въ малолѣтствѣ: первый—отшествіемъ на вѣчность, а другая—разномѣстнымъ со мною обитаніемъ. Говоря все какъ мать съ сыномъ, она припомнила мнѣ дату *), или время своего бракосочетанія и моего рожденія и послѣднія слова отца моего: «Когда сидѣла я съ духовникомъ нашимъ, отцемъ Григоріемъ при головѣ лежащаго на смертномъ уже одрѣ отца твоего и, по тогдашней моей простотѣ и молодости, будучи притомъ въ горькомъ замѣшательствѣ, тревожила его пустыми вопросами: «какъ мнѣ жить безъ тебя? что мнѣ начать? итти-ли мнѣ замужъ или нѣтъ?» онъ отвѣчалъ:— «ты можешь найти мужа, но сыну моему отца не найдешь». Увы! сколь много значилъ для сына такой отвѣтъ! и сколь много было для умирающаго присутствія ума!

Меня посѣщалъ часто капитанъ Иванъ Михайловичъ Лихаревъ, обитавшій въ Площанской пустынѣ, а иногда, съ дозволенія архіерея, я посѣщалъ его въ его обиталищѣ. Онъ былъ лѣтъ около 30-ти, человекъ съ природными и приобретёнными достоинствами, свѣдуецъ во многихъ такихъ вещахъ, о которыхъ многіе и маіоры понятія не имѣютъ. Къ сему успѣлъ уже испытать душевныя скорби и несчастія. Онъ былъ уже въ какой-то крѣпости во время войны противъ турковъ, плацъ-маіоромъ; но за нѣкую съ протчими въ крѣпости оплошность, былъ пониженъ однимъ чиномъ. Сердясъ на суровую участь и непостоянство счастья, возжелалъ въ Площанской пустынѣ умножить число набожныхъ жителей; но повидимому и въ семъ духовномъ мірѣ не нашедъ успокоенія **), возвратился—проживши годъ съ три въ монастырѣ, въ казанскія свои деревни, о чемъ я извѣстился будучи уже въ Бѣлоруссіи. Между тѣмъ какъ онъ жилъ въ стадѣ избранныхъ, былъ онъ полезнѣйшимъ для меня собесѣдникомъ.

Еще гонимый злобною судьбою, молодой дворянинъ, по фамиліи Луцевинъ, бывая у меня часто, раздѣлялъ и соединялъ со мною горькую свою участь. Онъ отъ 12-ти лѣтъ своего возраста,

*) Дата, по-польски значить то, что по-російски въ четырехъ рѣченіяхъ годъ, мѣсяцъ, число и день. Эра и эпоха, въ нашемъ языкѣ суть такіе почтенные техническіе гости, которыхъ выжить жаль, а за родныхъ признать нельзя.

***) Виѣсто зачеркнутого: «ничего добраго».

проходя въ рыльской воеводской канцеляріи и въ рыльскомъ магистратѣ канцелярскія должности, испыталъ просиживать надъ бумагами цѣлыя ночи, не спавши. Имѣлъ чувствительное мученье сидѣть съ пьяными приказными, былъ отъ нихъ посаженъ въ желѣза; а глупой секретарь смотрѣлъ на это съ равнодушнымъ смѣхомъ; былъ отъ воеводы, носившаго всегда за губою табачную жвачку, битъ палками за переписаніе челобитной, посланной на него отъ гражданства къ губернатору или въ сенатъ *). Потомъ былъ онъ счастливъ въ Путивльскомъ магистратѣ, зажиточень, повоенъ, отъ всѣхъ гражданъ почитаемъ и любимъ; но безъ чиновъ, и безъ возможности къ полученію оныхъ. Такія обстоятельства загнали его въ Сѣвскую консисторію, гдѣ получилъ онъ чинъ канцеляриста. Ставши мы съ нимъ равными чиновниками, заботились объ увольненіи и выѣздѣ изъ Сѣвска для поиску счастья.

Уже мой архіерей, чѣмъ далѣ, тѣмъ болѣ видѣлъ, что я ему не слуга, не собесѣдникъ, не секретарь и не истопникъ; почему и позволилъ консисторіи на поданныя отъ насъ просьбы, дать намъ съ Луцевинымъ аттестаты, а отъ собственной его персоны мнѣ отказалъ, говоря нѣкоторымъ, что я безъ онаго выѣхать не рѣшусь; а я доволенъ будучи, что онъ исполнилъ самъ себя такимъ обо мнѣ мнѣніемъ, безъ котораго непроминулъ бы, по своей странности, задержать меня и съ аттестатомъ и съ паспортномъ консисторскимъ, отправился 1777 года іюля 1-го дня на 26-мъ году отъ моего рожденія, не теряя времени, съ Луцевинымъ изъ дома архіерейскаго въ городъ, въ самую ту пору, когда архіерей занимался принятіемъ у себя сенатора Дмитрія Васильевича Волкова, который обозрѣвалъ губерцію и приготавливалъ ее къ переобразованію въ намѣстничество по новому учрежденію Екатерины великія **).

*) Тогдашнія времена имѣли еще, хотя уже и на излетѣ, остатки древняго варварства. Но вскорѣ мудрость великія Екатерины, по раздѣленіи имперіи на намѣстничества, истребила сія звѣрства, непринадлежащія человечеству и образованному правленію.

Г. Д.

О вліяніи учрежденія намѣстничествъ на смягченіе нравовъ и улучшеніе вообще администраціи см. свидѣтельство сенатора Рунича въ его запискахъ, напечатанныхъ во II-мъ томѣ «Русской Старины», изд. 1870 г., стр. 366—370.

Ред.

**) Объ этомъ Волковѣ, одномъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Петра III, смотр. во II-мъ томѣ Записокъ Болотова, стр. 158, 225, 231 и друг. изд. «Рус-

Казна моя при выѣздѣ состояла изъ 1300 рублей, изъ которыхъ имѣлъ я при себѣ только 300 р., а прочіе оставались на процентахъ у короннаго повѣреннаго Москвитина, жившаго въ Сѣвскѣ. Сопутникъ же мой Луцевинъ, хотя имѣлъ во что одѣться даже до щегольства, но будучи впротчемъ не великій врезъ, помѣстился на счетъ моихъ прогоновъ и содержанія.

Пожитки мои, состоявшія въ книгахъ, небольшомъ серебрѣ, и другихъ мелочахъ, оставилъ у товарища того же повѣреннаго, по прозванію Арменинова. Оба они дѣлали мнѣ пособіе въ путевыхъ надобностяхъ, а особливо Армениновъ, который далъ своихъ лошадей до первой упряжки, а коляску на весь путь.

Секретари, купцы и другіе знакомые, узнавъ о нашемъ отѣздѣ, желали намъ отъ добрыхъ сердець счастливаго пути и благополучнаго успѣха въ намѣреніяхъ, и засвидѣтельствовали то личнымъ прощаніемъ. А мать моя! обыкновенно проводила какъ провожаютъ матери! слезъ—было—не поучать.

Нагрузивши нашу коляску и взявъ съ собою по одному вольному слугѣ, сѣли и пустились съ Луцевинымъ изъ города, около седьмаго часа пополудни.

Лишь выѣхали изъ города—непонятное движеніе побудило меня стать въ убѣгающей коляскѣ и смотрѣть на городъ и на архіерейской домъ. Теряя ихъ изъ глазъ, чувствовалъ я въ молчаніи звонъ, который растрогивалъ мою душу и вѣщалъ: «прощай, любезное мое гнѣздо! прощай, городъ и архіерейскій домъ! прощайте всѣ горести и тревоги, которыя я вкусилъ! прощайте пріятныя минуты, которыя промчались какъ не были! прощай мать, родившая сына для того, чтобъ онъ странствовалъ и не былъ утѣхою твоему зрѣнію!»

Неизвѣстность будущаго причиною была, что мнѣ казалось будто я ѣду на край свѣта, гдѣ—по сказкамъ бабушекъ,—прачки моючи бѣлье, мыло на небо владуть. И правда, что мы не знали куда ѣдемъ, знали только отъ чего бѣжимъ и чего хотимъ. Пашпорты, данныя намъ отъ консисторіи, были до Москвы и Петербурга. Но вмѣсто сихъ столицъ, товарищъ мой посовѣтовалъ

вдругъ, по непонятному движенію, направить полетъ нашъ въ новопріобрѣтенный Бѣлорусскій край.

— «Тамъ—говорилъ онъ—скоро будетъ отрываться намѣстничество; тамъ государевъ намѣстникъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и губернаторъ М. В. Коховскій, по имянному императорскому дозволенію, сами жалуютъ въ штатскіе оберъ-офицерскіе чины, не спрашиваясь сената».

— Поѣдемъ же туда, отвѣтствовалъ я, авось-либо и намъ дадутъ штатскіе оберъ-офицерскіе чины, только мнѣ за бумагами сидѣть не хочется.

— «И мнѣ не хочется, подхватилъ Луцевинъ; мнѣ ужъ онѣ надоѣли въ Путивлѣ и въ Рыльскѣ, хотя мнѣ и 20-ти еще не исполнилось».

— Мнѣ и воинская служба не нравится—говорилъ я,—воинскіе офицеры мечтаютъ о себѣ что они принцы, а голы какъ бубны.

— «Однако-жь она первая изъ службъ, сказалъ Луцевинъ, хотя мой дѣдъ и въ цѣховые изъ дворянъ записался, когда государь Петръ Великій требовалъ дворянъ на смотръ. Хорошо еще быть,—продолжалъ Луцевинъ,—у богатыхъ подрядчиковъ или откупщиковъ конторщикомъ или письмоводителемъ. Они знакомы съ большими господами и съ генераль-прокуроромъ, чрезъ которыхъ не только сами для себя выпрашиваютъ чины, но и другимъ имѣютъ случай выпросить, а особливо при заключеніи въ сенатѣ контрактовъ».

— Я желалъ бы—сказалъ я—служить при таможи, тамъ денегъ, суконъ, полотенъ, матерій и всякихъ вещей прѣбастъ, а съ ними подрядчикомъ и откупщикомъ сдѣлаться можно, и выпрашивать чины въ сенатѣ при заключеніи контрактовъ.

— «Хорошо, сказалъ Луцевинъ, теперь въ Бѣлорусской Рогачевской таможенѣ находится директоромъ оберъ-провіантмейстеръ Петръ Савичъ Звягинъ. Онъ изъ одного со мною города. Я зналъ его, когда онъ былъ такимъ же канцеляристомъ, какъ мы теперь. Поѣдемъ въ Рогачевъ».

— Поѣдемъ — подхватилъ я — погоняй поскорѣй! погоняй!

Продолжая съ восторгомъ наше «погоняй», и повторяя его нѣсколько минутъ безперерывно, мы подняли таковой крикъ, что извощикъ почелъ насъ, безъ сомнѣнія, не за послѣднихъ шалу-

новъ, и не замѣтили какъ проскакали 30 верстѣ слишкомъ до Серединой-буды, гдѣ остановились у священника кievской епархiи Ивана Карповича Лузанова, знакомаго архіерею и мнѣ.

Хозяинъ былъ мнѣ радъ, угостилъ насъ ужиномъ, а на завтра въ церкви проповѣдью,—поелику день былъ воскресный, и обѣдомъ. Онъ былъ священникъ съ латинью, съ умомъ и съ нравственностью. Вѣжливъ, скромень, весель, гостеприимень. Густые и черные его волосы скрывали непроницаемо цѣлую половину рясы отъ плечъ по сѣдалище, а окладистая и чрезвычайно густая того же цвѣта борода, расширяясь по груди, примыкалась съ обѣихъ сторонъ къ головнымъ волосамъ; а все сіе совокупно представляло особу самую важную и украшенную особливимъ трудомъ и тщаніемъ природы, которая не поскунилась волосами *). Онъ будучи тогда лѣтъ подъ 40, имѣлъ попадью не старѣ 20-ти лѣтъ, и не выше аршина и 3-хъ четвертей, хотя я и не мѣрилъ. Она чистосердечно за пріятнымъ ихъ обѣдомъ рассказывала, что когда мужъ ея, будучи студентомъ въ Кіевской академіи, исвалъ съ нею жениться, то она, не ощущая въ себѣ къ нему ни малѣйшей склонности, всегда его убѣгала. И матери-тещи—не малаго стоило труда возвращать ее къ соблюденію благопристойнаго съ женихомъ обращенія. «А теперь мнѣ важется,—говорила она,—я одна во всемъ мiрѣ такая счастливая изъ женъ, которая имѣетъ столь хорошаго мужа».

Послѣобѣденное время провели мы въ пріискиваніи лошадей; а въ понедѣльникъ послѣ обѣда отправились на Стародубъ.

§ XXX.

Стародубъ и Черниговъ.

Въ Стародубѣ, остановившись на постояломъ дворѣ, имѣли необходимость паки стараться о лошадяхъ, потому что извозчики наняты были только до сего мѣста и дальше вести не соглашались. А понеже я жилъ столь долго у средоточія духовныхъ, то и стародубскій протопопъ Зубрицкій, хотя чужой епархiи, былъ мнѣ знакомъ потому, что ему случалось гостить у моего архіерея. Сіе знакомство обязываетъ меня приостановиться надъ отцемъ Зубрицкимъ и его побіографитъ и по марало-графитъ.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «не пощадилъ волосъ».

Онъ былъ мужъ старый; сѣдая его борода, оставя совершенно-голыми счои, начиналась только отъ устъ и подбородка, слѣдственно не шире была двухъ съ половиною вершковъ, и продолжаясь черезъ грудь и брюхо, оканчивалась тамъ, гдѣ природа раздѣляетъ человѣка на двѣ равныя развалины. Слѣдственно, длина въ разсужденіи ширины или ширина въ разсужденіи длины дѣлали ее тясмо-образною. И толь необычайнаго колибра борода списана была еще въ Сѣвскѣ, по приказанію архіерейскому, домовымъ живописцемъ. «Примѣчанія достойно,—по собственнымъ тогдашнимъ его словамъ,—что гдѣ сія борода ни показывалась, вездѣ ее за рѣдкость списывали», а какъ портреты его изображались всегда въ грудномъ или пояскомъ положеніи, то и никому не удавалось на портретахъ видѣть конца его бороды, такъ какъ никто не видалъ начала рѣвки Нила. Къ такому-то отцу протопопу я явился. Онъ принялъ меня съ моимъ товарищемъ безъ вниманія, и я имѣлъ причину подозрѣвать, что онъ меня не узналъ, почему за нужное почелъ засвидѣтельствовать ему архипастырское благословеніе Сѣвскаго архіерея, не объявляя ему, что я лишилъ себя права развозить благословеніе. Но когда увидѣлъ, что онъ и послѣ сего не любопытнѣе знать ни объ архіереѣ, ни обо мнѣ, то я не счелъ за лишнее напомнить ему, что онъ у сѣвскаго архіерея обѣдывалъ, ужинавалъ, пивалъ вино, пуншъ, англійское пиво и наливки.

— «Да! отвѣчалъ онъ, какъ будто пробудившись, у васъ они есть, а у меня ихъ нѣтъ».

— Такъ нѣтъ ли у васъ лошадей, батюшка? спросилъ я. Если вы не имѣете, по крайней мѣрѣ знаете гдѣ что въ Стародубѣ есть. Вы здѣшній древній житель, а мы вамъ деньги дадимъ».

— «Деньги! сказалъ Зубрицкій, приподнявши впалые глаза,—за деньги все можно достать. Сынъ мой помоложе, онъ куда-то пошолъ въ городъ; а какъ возвратится, онъ для васъ постарается, а я уже старъ».

«О неблагословенное сѣме Авраамле! сказалъ я, вышедши отъ него, гласомъ архіерейскимъ моему Луцевину; когда исполнится съ вами обѣщаніе Бога, обѣщавшаго вмѣсто этакихъ негодяевъ воздвигнуть отъ камней чадъ Аврааму? Пойдемъ искать

лошадей индѣ. Можно-ль намъ надѣяться на сына, когда у него таковъ отецъ?»

Хотя нѣсколько часовъ по городу безъ успѣха, принуждены возвратиться опять къ протопопу въ надеждѣ, что у него есть сынъ помоложе. Мы нашли на дворѣ человѣка лѣтъ 28-ми, въ худой изношенной синей епанчѣ, съ отвислою губою, пьянаго. Это былъ сынъ его. Онъ, завидя насъ, сказалъ:

— А! вамъ-то надобны лошади? Дайте мнѣ 20 руб., я вамъ дамъ лошадей.»

— За что такъ много?

— «За то, что они васъ повезутъ, куда вамъ надобно».

— Нельзя тому стать? мы ѣдемъ въ Бѣлоруссію, которая отсель не близко.

— «Вы на нихъ доѣдете хоть на край свѣта».

— Слышишь ли? сказалъ я Луцевину, хоть на край свѣта.

Луцевинъ сказалъ: «чего-жь лутче!»

Между тѣмъ какъ мы съ Луцевинимъ разсуждали, похаживали, и не знали какъ кончить нашу надобность, у пьянаго дурь изъ головы нѣсколько вышелъ, и онъ насъ увѣрилъ, что онъ почтмейстеръ, что до самой Бѣлоруссіи на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ лошади подъ его вѣдомствомъ, что онъ человѣкъ чиновной, асаулъ, и что ему, по всѣмъ симъ правамъ и преимуществамъ, надобно заплатить напередъ всѣ прогонныя деньги 20 р., а онъ намъ дастъ за своею рукою для проѣзда формальной отырытой листъ, называемой: «цѣдула».

Чтобъ не сидѣть въ Стародубѣ, молодая наша неопытность рѣшилась на цѣдулу и я заплатилъ ему 20 сребренниковъ и бездѣльникъ имѣлъ смѣлость начать ее тако: «Ея императорскаго величества цѣдула, по которой слѣдуютъ такіе-то, которымъ давать по всѣмъ станціямъ почтовыхъ лошадей» и проч.

На первой отъ Стародуба почтѣ, требовали уже отъ насъ прогонныхъ денегъ; но мы уповая на цѣдулу, съ нерадѣніемъ отвѣтствовали, что уже заплочены разомъ асаулу. Извощикъ нашъ, безъ сомнѣнія, успокоилъ почту прогонами по наставленію асаула. На второй почтѣ, сколько мы ни увѣряли, что мы заплатили прогоны разомъ почтмейстеру, но намъ отвѣтствовано, что безъ прогоновъ нѣтъ лошадей. Плутъ имѣлъ уловку и имя свое подписать разведеннымъ съ углемъ черниломъ, которое по первомъ завертѣ бумаги затерлось до безобразія. Итакъ, мы

дополняя недостатокъ нашей цѣдулы, повтореніемъ прогонныхъ денегъ, добрались, противъ чаянія, и безъ надобности до Чернигова, которой намъ отъ Стародуба къ Бѣлоруссіи почти столько же былъ по пути, какъ бы ѣдучи отъ Москвы до Кіева, заѣхать къ Петербургу; въ которой однакожь нельзя было не заѣхать потому, что насъ такъ везли по цѣдулѣ.

Въ черниговской ратушѣ безъ подорожной ни за какія прогоны не дали намъ лошадей, а надъ цѣдулою нашею смѣялись. Мнѣ весьма досадна была невѣжливость сихъ простыхъ людей, которые шутятъ надъ ближнимъ въ такую пору, когда ему надобно скоро ѣхать. Надлежало бы требовать лошадей на почтѣ, но тамъ подорожная еще нужнѣе, нежели въ ратушѣ. Итакъ, не заводя споровъ за достоинство цѣдулы, спросилъ я у сихъ цѣдулоборцевъ: «дома-ль преосвященный и Елецкаго монастыря архимандритъ Ероеей*). Ратушники, оставя цѣдулу и посмотри на меня съ бѣльшимъ уваженіемъ, отвѣтствовали мнѣ, что архіерея нѣтъ, а архимандритъ дома. Они замѣтили, безъ сомнѣнія, что человекъ, которой нарицаетъ столь фамилиарно особъ владѣющихъ великими деревнями и руководствующихъ душами правовѣрныхъ, долженъ и самъ быть немаловаженъ. Не теряя времени или лутче сказать не жалѣя потерять дурное время, пошелъ я къ архимандриту. Я нашелъ его дома. Онъ тотчасъ меня узналъ, и ласковой его пріемъ далъ мнѣ еще болѣе возчувствовать грубость протопопа Зубрицкаго. Архимандритъ, узнавъ отъ меня на сей разъ не больше, какъ только о путешествіи въ Бѣлоруссію, далъ мнѣ тотчасъ свой экипажъ **) до ратуши, дабы я коляску мою препроводилъ въ его Елецкій монастырь, и имѣлъ бы съ сопутникомъ продовольствіе и отдохновеніе въ его настоятельскихъ кельяхъ до выѣзда въ Бѣлоруссію.

Учредя такимъ образомъ, по милости отца архимандрита, наши дѣла, его высокопреподобіе вступилъ со мною въ пространный разговоръ; я увѣдомилъ его чистосердечно, что уволенъ отъ преосвященнаго и отъ консисторіи навсегда.

*) Архіерея зналъ я по бытности его на комиссіи, а архимандритъ знакомъ, потому что посвященъ моимъ сѣвскимъ архіереемъ, по указу синода, во время междуархіерейства въ Черниговѣ. Г. Д.

**) Въ подлин. зачеркнуто: «По-польски поѣздъ, а по-россійски — не знаю какъ. Надобно учинить исправку съ академіею россійскою, которая скупа на словарь. Видно ей много дѣла». Г. Д.

— «И вы уже не возвратитесь къ преосвященному?» спросил скоропоспѣшно архимандритъ.

— Нѣтъ, отвѣтствовалъ я и продолжалъ: теперь въ Бѣлоруссіи открываются два намѣстничества. По новости присоединенія сего края къ Россіи можетъ быть настoitъ больше нужды въ людяхъ для штатской службы, нежели во внутреннихъ губерніяхъ. А еслибы и не нашли ничего для себя полезнаго, то мы имѣемъ пашпорты до Москвы и Петербурга. Когда ничего вѣрнаго не видно нигдѣ, такъ надобно поискать его вездѣ и проч.

Время нашего разговора сблизилось подъ самой ужинъ. Отецъ архимандритъ, выслушавъ изъясненія моихъ намѣреній, пожелалъ мнѣ спокойной ночи, и пошолъ въ дальніе покои, не говоря больше ни слова. Еще я не опомнился хорошенько, и не зналъ за что почестъ неожиданной побѣгъ нашего хозяина, какъ подошелъ ко мнѣ его келейный и сказалъ: что, «его высочоупредобіе кушать не изволитъ, такъ неудобно-ль вамъ откушать съ нами?»

Бывши я почетною особою при сѣвскомъ неуступчивомъ архіереѣ, не почиталъ уже новымъ дѣломъ презирать и самыхъ архимандритовъ; почему и отказался спѣсиво отъ предложенной мнѣ чести *). Вслѣдствіе сего, потащились мы съ Лудевинымъ къ своей коляскѣ, стоящей подъ повѣтью. На столовой припасъ мы не имѣли нужды; но я не помню, ужинали мы, или нѣтъ. Того только нельзя забыть, что мы съ своимъ сопутникомъ, имѣя одни намѣренія, имѣли различныя съ нимъ природныя свойства. Я когда бываю въ душевномъ прискорбіи, тогда не могу спать и ѣсть, а онъ, въ подобномъ случаѣ, погружался въ крѣпкой сонъ. Онъ, пользуясь симъ преимуществомъ, тотчасъ въ коляскѣ успокоился; а я цѣлую, хотя іюльскую ночь, ни глазомъ не сомкнулъ, размышляя почеловѣчески о неизвѣстности будущаго моего жребія, хотя размышленія таковыя приводятъ только въ изнеможеніе душевныя силы; да и для чего бы тревожить себя размышленіями о томъ, чего намъ природа не позволила ни пред-

*) Тогда послыся слухъ, что сѣвскій архіерей переведенъ будетъ въ Черниговъ, а черниговскій—на другую епархію. Архимандритъ, услыша отъ меня, что я уже къ архіерею моему не возвращусь, почувствовалъ для себя тягостію продолжать гостепримство.

видѣть, ни предъзнать? Но съ другой стороны, тотъ же гласъ природы всегда мнѣ внушалъ такъ: «ты родился сиротою и живешь ты безъ друзей. Ежели ты самъ о себѣ не потревожишься, то никто другой вмѣсто тебя не потревожится».

Уже на разсвѣтѣ я заснулъ. Но въ самомъ моемъ спокойствіи пробудилъ меня необыкновенной шумъ. Это было вотъ какое дѣйствіе: человекъ съ 8-мъ монастырскихъ служителей тащили женщину, которая, изъ-подъ общаго ихъ шума, просила пощады воплемъ,—какъ говорятъ въ монастыряхъ,—до небесъ до-связующимъ. Втащивши ее въ сарай, начали тиранить ея тутъ-емъ. Мученица кричала пока могла. Потомъ вытащили ее изъ сарая и бросили въ пустую тутъ же стоящую избу и повидимому служащую для этакихъ богоугодныхъ употребленій. Вѣрные сіи исполнители милосердія на вопросъ мой отвѣчали, что это пощада, которую его высокопреподобіе приказалъ обѣчь отъ шеи до пятъ, по жалобѣ келейнаго его хлопца.

Мое сердце, сотворенное къ сугубому состраданію всякой и чужой ранѣ, хотя бы то была и не пощада, остановясь вопрошало само себя: «Всемогущее Провидѣніе! для чего дано человеку заблужденіе, что мы называемъ преступленіемъ, ежели онъ подвергается за него различнымъ горестямъ и страданіямъ? Для чего не дано ему столько благоразумной осторожности, чтобъ онъ, удаляясь пороковъ или ошибокъ, могъ избѣгать всѣхъ золъ, томящихъ краткую его жизнь? и для чего отъ начала міра по нынѣ, отъ нынѣ и до вѣка, сильный злодѣй утѣсняетъ безсильнаго добраго и никому за то не отвѣчаетъ?»—вопросало, и никто ему не отвѣчалъ!

Мы выхлопотали кое-какъ при помочи денегъ лошадей съ почты, представляя, вмѣсто подорожной, наши пашпорты. Около полудня, отецъ архимандритъ увидя насъ заботящихся при коляскѣ объ отъѣздѣ, удостоилъ мимоходомъ спросить: «что, уже на выѣздѣ?» Сей вопросъ придалъ намъ охоты къ выѣзду, и отвратилъ остатки желанія быть на отпускнуой аудіенціи и благодарить его высокопреподобіе за столь мудреной приѣмъ и угощеніе.

Мы достигли Добрянки, гдѣ прежняя граница, раздѣлявшая Россію съ Польшею, была еще не снята. Таможенные досмотрщики приступили-было коляску нашу осмотрѣть; но будучи прак-

тики въ знаніи проѣзжающихъ, пожелали намъ благополучнаго проѣзда, не безпокоя насъ разбивкою бесполезныхъ для нихъ вещей. Стоявшіе при рогаткахъ, будкахъ, притинахъ, павхаузахъ, кланялись намъ мимоѣдущимъ и подставляли руки, чтобъ мы имъ что нибудь бросили. При выполненіи нами сего обряда, Луцевинъ говорилъ: что и въ воеводскихъ канцеляріяхъ сторожамъ такъ же бросаютъ.

Я отвѣчалъ, что въ монастыряхъ, въ праздники, на молебнахъ и попамъ въ церквахъ также кладутъ:

— «Я,—говорилъ Луцевинъ,—будучи въ Рыльскомъ магистратѣ при дѣлахъ, никогда не прашивалъ, и меня за это любили и дарили, и называли добрымъ и честнымъ малымъ».

— Мнѣ, говорилъ я, не было необходимости просить: меня въ архіерейскомъ домѣ просители сами дарили; и я наконецъ взялъ себѣ за обыкновеніе, ниже рубля не принимать, дабы чрезъ сіе показать мое сожалѣніе и услугу тѣмъ людямъ, которые выше рубля подарить не въ силахъ. И мнѣ вслухъ наекивали, что я доброй человѣкъ».

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.